

Татьяна Соломатина

Акушер-ха!

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»

представляет книги
ТАТЬЯНЫ СОЛОМАТИНОЙ

Больное сердце

Узелки. Великовозрастным младенцам на память

Двойное дыхание

Приемный покой

Большая собака

Девять месяцев. Комедия женских положений

Роддом, или Поздняя беременность Кадры 27-37

Повесть о медицинском чиновнике. Кафедра А&Г

Одесский фокстрот, или Черный кот
с вертикальным взлетом

Вишневая смола

Мой одесский язык

Советы залетевшим

Роддом, или Жизнь женщины. Кадры 38-47

Коммуна, или Студенческий роман

ПСИХОЗ

Акушер-Ха!

Отойти в сторону и посмотреть

(Не) Кулинарная книга. Писательская кухня
на Бородинском поле

Татьяна Соломатина

АКУШЕР-ХА!

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление обложки – *Наталья Якунина*
В книге использованы иллюстрации художника –
Натальи Якуниной

Соломатина, Татьяна Юрьевна.
С60 Акушер-ха! : [роман] / Татьяна Соломатина. –
Москва : Издательство АСТ, 2016. – 416 с. –
(Проза Татьяны Соломатиной).

ISBN 978-5-17-096434-5

Эта яркая и неожиданная книга – не книга вовсе, а театральное представление. Трагикомедия. Действующие лица – врачи, акушерки, медсестры и... пациентки. Место действия – родильный дом и больница. В этих стенах реальность комфортно уживается с эксцентричным фарсом, а смешное зачастую вызывает слезы. Здесь двадцать первый век с его нанотехнологиями еще не гарантирует отсутствия булгаковской «тьмы египетской» и шофер «Скорой» неожиданно может оказаться грамотнее анестезиолога...

Что делать взрослому мужчине, если у него фимоз, и как это связано с живописью импрессионистов? Где мы бываем во время клинической смерти и что такое ЭКО?

О забавном и грустном. О врачах и пациентах. О мужчинах и женщинах. О полной безысходности и о вечности.

Благодаря этой книге вы по-новому посмотрите на привычные вещи: врачей и пациентов, болезни и выздоровление, на проблему отцов и детей, на жизнь и смерть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096434-5

© Т.Ю. Соломатина
© ООО «Издательство АСТ», 2016

«ЗДРАВСТВУЙТЕ!»

Увы, все гениальные банальности сказаны, все книги написаны, все жанры не новы.

Шекспир, безусловно, хорош. «Весь мир театр! Все люди в нём – актёры!» Но актёры лишь исполнители. Гениальные и бездарные, искромётные и унылые. И за каждым стоит тот, кто пишет текст. Тот, кто освещает сцену. Накладывает грим, шьёт костюмы, дирижирует оркестром. И режиссирует, разумеется.

Вы уже успели подумать, что я о театре? О писателях или журналистах? Нет, конечно. О войне?! Не приведи господи! Может, о сантехниках? Кстати, тема. Наверняка бачок у вас протекает чаще, чем вы в театр ходите. Нет-нет, не у вас. Лично вы посещаете все премьеры в Большом. Вот у того унылого гражданина. Возможно, он унывает вовсе не по поводу подтекающего сифона. У него зуб болит. А плохой цвет лица у дамы из соседнего подъезда вряд ли

из-за отложенных гастролей Мариинки. Возможно, у неё что-то с гормональным профилем или муж пошёл за хлебом, а вернулся с водкой. Всё равно давно язва.

А этот малыш почему хмурый? Ему не разрешают кататься на санках, потому что у него аденониды? Почему симпатичная девушка с большим животом кричит на своего спутника? Он недостаточно расторопен, а беременных это, знаете ли, раздражает.

Вон тот симпатичный гражданин держится за ухо, а этот – вон тот, тот! – сизоносый – надрывно кашляет. А у соседки бабушка наконец-то померла. Не кривитесь. Конечно наконец! На вас посмотрю, когда квартира за три года так пропахла старческой мочой, калом и мокротой, что прям хоть грех на душу бери.

Сами-то что? Кардиограмма не очень? Давление скачет? Всё в порядке, только нарколога с психиатром надо пройти? Да-да, конечно, вам для справки. А вон тому пареньку нарколог бы не помешал. И хороший психоаналитик для закрепления пройденного материала.

У приятеля жена родила? Новорождённого в детскую инфекционку перевели в нечеловеческие условия? А сам приятель в травме? Отпраздновал по полной, родной!

У деда – камни в почках, у начальника – простатит. Откуда знаешь?! Офис-менеджер на хвосте принесла? Смотри, чтобы чего другого не принесла!

Буквы расплываются? Шрифт вроде нормальный. Пора к окулисту, новые очки заказывать. Денег

нет? Ну да, мануальные терапевты нынче дороги. Не посещаешь? Зря. Жена всё на косметолога и диетолога извела? Главное, чтобы в гастрохирургии не закончила.

А видишь того, в конце вагона, с книжкой? Знаешь, почему он улыбается? Думаешь, у него ничего не болит и рентген ему никогда не делали? Делали. И болит. Сердце болит. Душа болит, хотя и не нашли её патологоанатомы до сих пор. И генетики не нашли. И даже врач-лаборант в эритроцитах и тромбоцитах не узрел. И в моче ничего нет, кроме фосфатов и уратов. А душа болит у него. А он — улыбается. Потому что врач. Видишь, опять улыбнулся! Он как раз эту фразу сейчас прочитал. И хотя у него те же фосфаты, ураты, почечная колика, зрение, жена и бабушка третий год не ходит, он знает: весь мир — больница. Огромная многопрофильная больница. Со своим приёмным покоем, профильными отделениями, смотровыми, цистоскопическими, рентген-кабинетами и лабораториями, операционными и палатами интенсивной терапии. С моргом и подвалами. С техническими службами и администрацией. С Королями и Шутами, Принцами и Нищими, Повитухами и Могильщиками. Весь мир — больница. И все мы в ней — пациенты.

Поэтому и улыбаются врачи там, где тебе не смешно. И плачут от счастья тогда, когда ты радуешься. И костюмеры у них свои и режиссёры, сантехники и осветители. И болит у них, как у тебя. Душа болит. Потому что пока душа болит — значит, жив. Он — жив, ты — жив. И я жива. И весь мир.

ТАТЬЯНА СОЛОМАТИНА

Я уже достаточно наговорила банальностей? Хотите взглянуть на пятна Роршаха? Не моя специализация.

Когда деревья были выше, а газоны зеленее, я работала акушером-гинекологом здоровенной многопрофильной больницы.

Но ещё раньше были...

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ЧУДЕСНЫЕ

Зимние госы были жестокими.

Государственный экзамен по анатомии — это, доложу я вам, не фунт гречки. Логики в этой науке нет, а сулькусов и форáменов в человеческом организме понапихано, что тех кротов в неухоженных газонах. А уж про пирамидальные пути и прочую неврологию, о-о-о! Лучше вам не знать.

Сдать нормальную анатомию сложно.

Анатомия. Анатомия и Нина. И студент по имени Саша.

Нина Николаевна ко временам моего студенчества хоть и была ещё железной леди, но уже достаточно ржавой. Сопромат он и есть сопромат, против времени не попрёшь. Помню чудный случай. Началось первой пары. Столы-столы-столы анатомки. Цинковые столы анатомки. За теми столами, на которых не лежат сосудистые или мышечные трупы, сидят студенты. Шумят. Или зубрят. Ждут препода-

вателей. Зал большой. Видимость отличная. Окна огромные. И тут в отверстие врата анатомического зала входит Нина Николаевна. Раком. Только не пятясь, а головой вперёд. Да так практически в коленно-локтевой позе и продолжает топтать, сохраняя неизменно презрительное выражение лица хоть и бывшей, но всё же первой леди Винницкой, а позже и Одесской областей.

Обычно леди Нина (доктор наук, прежде — заведующая кафедрой нормальной анатомии, позже — просто профессор) входила, горделиво неся свою голову, увенчанную чёрной бархоткой. Пожизненный траурный ободок имел свою трагическую предысторию: в возрасте шести лет погиб второй внук, сын младшей дочери Нины Николаевны. Внук погиб, потому как его мамке — больше любившей пить, чем, собственно, жить, — приспичило «по маленькому» во время разудалого пикника на обочине. И вместо того, чтобы присесть тут же, в посадке, она решила пойти через дорогу. Через трассу. Она была сильно пьяна, и только так можно объяснить её внезапную стыдливость. Ибо в более-менее вменяемом состоянии она отнюдь не отличалась хорошими манерами и могла запросто справить нужду и в куда более общественном месте. Обоих — и маленького мальчика, и молодую женщину — сбил грузовик. Сына-внука насмерть, а младшая дочурка Нины лишилась одной почки, селезёнки, выздоровела и продолжила пить дальше.

Нина же с тех самых пор носила чёрную бархотку на русой тугой косе.

Это было лирическое отступление-пояснение. Рыданий и осуждений не надо. История быльём по-росла, ягелем покрылась и снегом припорошена.

Вернёмся в анатомический зал одесского медина, в 1987 год. Где бредёт Нина, согнутая под девяносто градусов, и хоть бы слово кому. Все приумолкли в почтительном недоумении.

И тут вскакивает с места молоденький ассистент Костя и, схватив из шкафа что-то весомое — не то большеберцовую кость, не то ящик с инструментами, а может, и муляж таза — не помню... Подскакивает к Нине и шандарахает её с размаху по пояснице. В гробовой тишине.

— Спасибо, Костик! — в меру радостно, аристократически благодарно говорит по-крестьянски широкая Нина, наконец выпрямляясь во весь рост и облегчённо вздыхая.

Помните рассказ Артура нашего Конан Дойля, где один из главных персонажей страдал люмбаго?

Да-да. Про госы, Нину и Сашу.

У Нины, как у любого хорошего преподавателя, были свои любимчики. Я, к примеру. И тот же Саша. Она, разумеется, входила в состав государственной экзаменационной комиссии. И зорко бдила своих. Мне попадается билет «про сердце», что-то там из истории нормальной анатомии, и смешной вопрос по остеологии. Я благодарю фортуны и сажусь готовиться. С сочувствием глядя, как Санёк уже рвёт во-

лосы на голове. «Что?» — одними губами. «Пирамидальные пути. Поджелудочная. И ангиология».

Конец Саньку.

Он обречённо ковыляет за препаратом. Препараты разложены на цинковом столе. Для тех, кто не в курсе: «препараты» — это печень, селезёнка, то же сердце. И так далее. Вынутые из трупов органы. Отпрепарированные. Выложенные на столе. Бери, готовься, тащи за собой препарат на подносе и отвечай комиссии, где тут чего и как.

Смотрю, Санёк пошёл. Даже готовиться не стал, а просто Нина моргнула: «Дуй сюда, придурок!» Он и подул.

И рассказывает ей строение поджелудочной, тыча препарат анатомическим пинцетом. Мол, вот тут вот такая долька, а здесь — эдакая. И сосуды называет все по латыни. Уверенно так. Нина ему кивает одобрительно, да-да, точно-точно, именно то самое, именно здесь, параллельно цепко реферируя окружающее пространство. И тут к ней подходит ещё один профессор из государственной комиссии и, явно недоумевая, пристально глядит в препарат на подносе Санька. Нина профессору ласково, шёпотом:

— Славочка, иди куда шёл!

Святослав Владимирович без лишнего слова и пошёл. Санёк быстро договорил и собрался улепётывать. Нина ему, строго:

— Саша, препарат на место отнеси!

Он к столу нагнулся за подносом, а она ему прямо в лицо прошипела:

— Да не на стол, идиот, положи, а в ведро с формалином скинь. Ты же, поц эдакий, мне всю подже-

АКУШЕР-ХА!

лудочную на мошонке рассказал! — и препарат перевернула.

А там — фрагмент мужского хозяйства, формалином на веки вечные дублённый. На шмате кожи. Он на столе лежал «наизнанку». Вот Санёк и перепутал. Но и дольки и сосуды поджелудочной нашёл, что характерно. А Нина молодец. Хотя, конечно, характер у неё был — только врагу такую родственницу или подругу можно пожелать.

Мы с Саньком по «отлично с отличием» получили. Я-то, к слову, таки сердце принесла, а не матку, например. Хотя по матке сердце ответить можно. На экзамене, разумеется. Только на экзамене.

Если не студент второго курса, а доктор с дипломом, да не в препаратах, а в живом человеке органы путает, то не врачеватель он, а полная...

«УЙНЯ!»

Когда я была совсем юная, а звёзды сияли ярче (потому что на юге всегда звёзды ярче), я училась в одесском медицинском институте. Сейчас мединституты не осталось — одни университеты и академии. А тогда были институты. И в институтских программах встречались циклы нервных болезней. И был такой профессор... Ну, обойдёмся без фамилий. Не то чтобы светило, но вполне грамотный лекарь. И колоритный дядька к тому же. Балагур, весельчак, и вообще ему надо было актёром стать. Вот где его истинное призвание таилось на самом-то деле. Но, видимо, его еврейская мама в своё время хотела, чтобы он стал врачом. Вот он и стал. Потому что славянская девушка — она завсегда на какой станции захочет — на той и соскочит. А еврейский мальчик — это диагноз. Даже если тебе шестьдесят. Не без случаев чудесных исцелений, конечно, но не об этом.

Психоневрологический диспансер на улице Свердлова (ныне и совсем прежде — Канатная) особым интерьерным шиком тогда не отличался. (Как сейчас — не знаю.) Шли всё больше на специалистов, а не на антураж и палаты люкс.

И как-то так иногда получалось, что, скажем, профессор кафедры теоретической физики университета и простой настоящий сварщик шестого разряда делили палату. (Хорошо, не ядро урана!) И ещё человека четыре лежало там же, как правило. Из самых разных социальных слоёв. Потому что особых слоёв тогда не было. А только рабочие, крестьяне и жалкая интеллигентская прослойка, непонятно между какими коржами.

И вот в одно прекрасное утро профессор осматривает другого профессора. Профессор-невролог — профессора-физика. Надо сказать, что наш медицинский лицедей любил на осмотры ходить со свитой. Каждый день. Хотя по штату ему обход два раза в неделю полагался. Или по необходимости. Но он любил, чтобы представления почаще и публики побольше.

Идёт он, значит, со свитой: доценты, старшие ординаторы, клины. Студенты. А главное — студенточки. И получается у него уже не банальный обход, а целое театрализованное действие. В результате пациентам становилось хотя бы весело, что тоже важно для выздоровления, согласитесь.

Осматривает невропатолог физика теоретического, а сварщик шестого разряда с койки внимательно слушает. И так тому сварщику профессор медицинский понравился, что он, простой рабочий парень, тоже возжаждал персональной консультации. Сво-